

Ульяна
Берикелашвили

Письмо Потомкам

сны о грядущем

Ульяна Берикелашвили

Письмо Потомкам

«Издательские решения»

Берикелашвили У.

Письмо Потомкам / У. Берикелашвили — «Издательские решения»,

Спустя пятьсот лет после начала научно-технической революции мир разделен на две части. Великая Империя, объединившая и слившая в общий котёл все религии и культуры мира. Полное отсутствие биоэтики и тотальный контроль за всеми ныне живущими с помощью Ррипов. В руках Императора весь мир, кроме одного материка, имя которому Шим'Таа. Именно о странном народе, населяющем его, пойдёт речь. Империя где-то за горизонтом, в поле зрения — они, геммы...

© Берикелашвили У.

© Издательские решения

Содержание

Танец первый	6
Танец второй	21
Танец третий	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Письмо Потомкам сны о грядущем Ульяна Берикелашвили

Никто из нас еще не родился бессмертным, и, если бы это с кем-нибудь случилось, он не был бы счастлив, как это кажется многим.

Платон

© Ульяна Берикелашвили, 2016

© Дмитрий Лир, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Танец первый

У неё было восемь детей.

Четыре прелестных девочки и четыре смысленных мальчика.

Они очень любили её и называли, как и все дети этого мира, мамой.

Но ни один из них не был зачат, выношен и рождён её.

Ни один не был плоть от плоти её, по образу и подобию.

– Они спрашивают меня, зачем нам это? Мало ли гибнет подобных щенков на улицах, в сырых подвалах. От болезни, нищеты или шальной пули. Одним больше, одним меньше. Родятся новые и умрут так же. Никто не заметит. – Она медленно сделала вдох, и ароматный дым кальяна наполнил её легкие.

Кальян здесь любили, и считали его изобретением и достоянием собственной культуры. Я думаю, вполне заслуженно. За последние пятьсот лет история была несколько раз переписана, и теперь мало кто помнил о древнем наследии Арабских стран. А ОНИ собрали все осколки памяти воедино, склеили и отшлифовали...

– Думаешь, я могу пройти мимо них спокойно? Когда их, словно скот, выстраивают в ряд. И ждут, когда я отберу ПАРТИЮ, стараются причинить словами боль, увидеть нашу слабость. Ради наслаждения. – Длинными ногтями она впиалась в обивку диванчика, ещё чуть-чуть и ткань треснет от еле скрываемой злости. – Я забрала бы их всех, всех до единого. Этих запуганных, ненужных своему миру детей... если это было возможно.

Минута тишины. В полумраке комнаты я ловлю каждый её жест, каждый взгляд. И мне жаль ТОТ мир, что не разглядел в ней эту невозможную красоту ее души, ее личности.

И хорошо, что не разглядели – все это она приобрела за долгие годы здесь.

– Вот Кайн... – После минутной паузы шепчет она. – Ты видела его. Именно он привёз тебя из Монастыря к нам...

...Кайн. Её старший сын. Бледный, нескладный юноша лет восемнадцати. Судя по его реакциям, он был обращен в раннем детстве. Он не был похож на нее, как не бывает похож щенок на взрослую особь. Он старался сдерживать себя и лаконично отвечать на мои вопросы, как взрослый. Как сын ЭТОГО мира.

Он ни капли не был похож на нее. Но у него были ЕЁ глаза. Цвета расплавленного золота.

– Его я не выбирала, а нашла во время поездки на Север. Эта была моя первая встреча с Империей. Мой народ отправил меня, чтобы исполнить Предназначение. Спасти чью-то невинную душу, как завещала Святейшая. Как когда-то спасли меня. – Её голос еле заметно дрогнул, словно внутри что-то ожило. Болезненное и потому забытое, запертое. – Так вот, Кайну не было и трёх лет, а его разум почти сгорел от страха и боли. Я помню до сих пор, как он выглянул из-под кучи хлама, когда я имела наглость прогуляться во время пути. И я попросила списать это на мою неопытность, привезла во дворец Кесаря и выторговала у Империи как какой-либо товар. Я не могла пройти мимо ЭТИХ глаз. Тогда у него были синие, выразительные глаза. И другое имя.

Она усмехнулась и с горечью добавила:

– Если бы он помнил его, я бы оставила...

Жестом она приказала поправить угольки в моём кальяне. Я совсем забыла про них, и сквозь горечь её рассказа не чувствовала горечь дыма.

– Ничего, бывает. – Улыбнулась она. – Напомни, как тебя зовут?

– Ульяна. Меня зовут Ульяна. Это мое настоящее имя. – Ответила я ей, минуя условности языка, на котором мы общались.

– Ульрианнаш... – забавно протянула она, не в силах произнести. В её языке полно шипящих и гортанных звуков, оттого речь хищная и в ней нет места для мягкости моего имени. – Не слышала я подобных давно, сейчас это глупость – иметь столько букв в имени. Ты, наверное, из Асеанских общин. Иногда там дают своим детям древние имена. Ариашандру, к примеру.

«Александр», мысленно перевела я и только кивнула в ответ, рассеянно поглаживая небольшой шрам на левой руке

– РРип? – спросила она, заметив мой жест. – Сама удалила его? В монастыре говорили, что тебя нашли без него

– В монастыре говорили, что вам безразлично, с ним я или без.

Смех в её глазах и тишина.

Новая гувернантка для её детей могла работать здесь и без общего человеческого микроклимата. Людские законы здесь недействительны.

– Можешь обращаться ко мне по имени, Ульрианнаш, – отодвигает она в сторону кальян и встает, расправляя длинные складки безупречного одеяния, как и она сама. – Меня зовут льринни Рионн.

Госпожа Рионн.

Утро. Около шести.

Не торопясь, госпожа Рионн знакомит меня с основным домом. Это главное строение огромного по протяжённости поместья, по численности обитателей не уступающего небольшому посёлку. Городами они не живут, слишком мала их численность и оттого ранима. Хотя война с Империей – всего лишь миф для людей, но Святейшая устроила их мир так, чтобы обезопасить своих детей.

– Что тебе нужно знать в первую очередь, так это расписание. Упустишь что-либо или не успеешь, ты вернешься в Монастырь. Вернее, твое тело. – Шипит Рионн.

Думает, я испугаюсь. Хотя подобные случаи мне были известны. Монахини, пытаясь отговорить, рассказали практически всё, что связано с этим семейством. И хорошее, и не очень. Но меня им было не переубедить. Я твердо решила оставить обитель и посмотреть на мир за его пределами.

– Здесь керамическая посуда. Насколько тебе должно быть известно, мы не любим металлические изделия, они придают НАШЕЙ пище неприятный привкус, – открыв несколько ниш, она берет в руки одну из чаш. – Посмотри, они все подписаны и размечены. Ты должна следить за тем, чтобы всё было чистым и не имело примесей. И дети получали необходимую порцию. В их... ммм... состоянии это более чем важно.

Рионн ставит чашу обратно, дном вниз, и отходит в сторону. Я слегка стучу по ободку, вежливо и аккуратно переворачиваю чашу обратно. Этот жест говорит Рионн, что каждый из её семьи будет всегда сыт и доволен своей едой. Это жест её мира.

Госпожа слегка улыбается.

Мы находимся на кухне, большой и непохожей на всё то, что видела я до этого. Выдержанная в белых тонах, она отделана мрамором и незнакомым мне синтокамнем, похожим на мутное стекло. Окна отсутствуют. По большей части здесь находились ледники, в которых хранилось свежее мясо. Техники практически нет, лишь небольшая энергоплита и пара смесителей. Больше из мебели не было ничего, но я знала, что по хлопку из пола выезжают парящие плиты, заменяющие стол и стулья.

– Готовит для нас всегда Стефан. Позже познакомишься с ним... – Слегка наклонив голову, говорит Рионн. – Только будь вежлива, мой старший брат не любит, когда в его работу суют нос. А сейчас я покажу тебе столовую, идём.

Следую не спеша, боясь наступить на её платье. Шелковое, расшитое драконами, оно тянулось за ней пятиметровым красным шлейфом.

– Я люблю подобные одеяния, они напоминают мне, что торопиться некуда, впереди годы. А так же учит осторожности и терпению, – заметив мой интерес, поясняет Рионн. – и к тому же, старшие девочки стараются подражать мне во всём.

Представляю, парочка девиц, пятиметровые шлейфы и рядом я... Надеюсь, что найду в этом доме чем можно будет укоротить, если мне выдадут похожее.

Все мои личные вещи остались в монастыре. Мне запретили что-либо привозить сюда, кроме золотистой рясы, что на мне, и двух бронзовых браслетов. Даже сандалии отобрали и сожгли. Так что по дому я теперь шлёпала босиком.

А госпожа равнодушно продолжает:

– Далее, по коридору, подсобные помещения. На втором этаже твои покои, позже покажут. Шифф, детская часть дома, на ночь закрывается автоматически, и ровно в одиннадцать ты должна быть уже у себя. Не успеешь вовремя, останешься за завесой – ничем помочь уже не смогу. Запомнила?

– Да, госпожа.

– Также рядом с твоими покоями находится небольшая библиотека. Отец собирал. Если заинтересует, можешь читать. Но запомни, никакой человеческой техники в Основном доме не должно появиться за всё время пребывания здесь. Сканы, грэйфы и другие соединяющие с Мировым пространством приборы... – Рионн резко развернулась, за секунду преодолев расстояние между нами, и вцепилась мне в горло. – Увижу что-либо подобное...

Шипя и оголяя клыки, она придушила меня и отпустила.

Её золотистые глаза словно светятся изнутри.

– Я всё это прекрасно знаю, госпожа. Поэтому я здесь. – Кланяюсь ей. Ужасно ноет шея, горят воспалённые лёгкие. Но ни один жест, ни один вздох не выдает мою боль. Сдерживаю себя, как будто ничего не произошло.

– Молодец. Хорошо скрываешь свои эмоции. – Мурлычет довольно она. – А то мои дети порой излишне жестоки...

Да уж, за каких-то полчаса мне трижды пригрозили смертью. Хорошая проверка нервов, не спорю. Если бы я не знала, во что ввязываюсь, сбежала бы уже давно.

А так, быть гувернанткой у восьми детей – гемм, бывших людей и нынешних вампиров, очень интересно и поучительно.

Говорят, геммы появились сравнительно недавно. Пятьсот лет прошло с тех пор, как у некоторых людей началась мутация крови. Необратимая и непонятная. Вначале у больных глаза становились золотыми, без зрачка. Их изолировали, поскольку следующая стадия протекала как в древнем третьесортном фильме ужасов – зараженные кидались на людей, перегрызали горло и пили кровь. Их попытались уничтожить, но всё было напрасно, раны стремительно заживали. Против таких, как они, только огонь, кол в сердце и острый топор...

Сбылся страшный сон про упырей.

А третья стадия...

– Можете не продолжать, я прекрасно знаю историю этого Мира, – улыбнулась я госпоже. Мы находились у входа в шифф – детские покои.

– Сейчас они спят. Как сами видите, они изолированы до утра завесой, энергетическим полотном. Их пробуждение ровно в семь, когда утихает вирус внутри. Далее служение Святейшей и завтрак. Ты знаешь все молитвы наизусть?

– Руда, руда заговоренная. Славься, наша Матерь безымянная, – с некоторым трудом выговаривая на гемми, их основном языке, частые шипящие и переливы, я начала шептать. Молятся здесь тихо, от всего сердца.

– Нашему языку тебя обучили достаточно хорошо. Даже переливам и глубинам. – Довольная госпожа даже приобняла меня. У гемм это считается признаком расположения.

Рионн... От её волос пахнет снегом, её кожа холодная и влажная. Раскосые золотистые глаза лучатся от удовольствия...

Она отрывается и идёт дальше. Я иду рядом, равнодушная кукла.

«... и когда это я научилась чувствовать?»

– У самых младших собственные няни. Такие же геммы. Вообще, ты – единственный человек в нашем Доме. Мы достаточно долго думали, выбирая себе новый Столп. Ты нам подходишь. А няни, как ты знаешь, помогают меняться. Это слишком мучительный и болезненный процесс. – Поморщилась Рионн, явно вспоминая своё детство. – Ведь я обратила их всех в достаточно раннем возрасте.

– Госпожа, зачем их тогда обращать, если процесс так ужасен? Неужели нельзя просто усыновить? – отчего-то ляпнула я.

Она изящно поправила свои длинные чёрные волосы, и пристально посмотрела на меня.

– Не стоит задавать мне нарочито глупые вопросы, Улрьианнашш, – недобрый знак, это протяжное шипящее на конце.

Да, она права. Я, не подумав, спросила. Как будто сама додуматься не могла за все время, проведенное в монастыре, или спросить.

На то я и человек, чтобы действовать порой спонтанно.

– Но я отвечу, чтобы ты запомнила это раз и навсегда, – продолжила госпожа, – Я не хочу, чтобы мои дети принадлежали ИМ. Ты... человек... скажи? Разве хоть один гемма принадлежит Великой Империи? – Речь её сбивчивая, сухая.

Грубая, без единого перелива. Без глубины шипящих слов.

– Если бы МОИ ДЕТИ оставались людьми, то ваши правители нашли бы способ управлять ими и здесь. Протянуть свои жалкие щупальца в наш мир! У нас же собственное государство, собственный строй, религия. И ты прекрасно знаешь, как они реагируют на это, когда кто-то хранит свою самобытность! – Сверлит Рионн меня своими золотистыми глазами. – Мы не носим Ррипы, мы не подчиняемся Зову. Разве я забрала всех этих малышей, чтобы они продолжали жить ТОЙ, уродливой жизнью?

Рионн была мастером Поля. С помощью геммы она вплетала эмоции в слова и била меня ими как плетью – древняя техника, которой я пыталась овладеть в Монастыре первые годы, но не смогла даже начать. Слишком нечеловеческой логикой нужно было обладать, чтобы понять многие умения гемм. И временем, десяти лет для этого было недостаточно. Но понимание – это одно, а вот чувствовать – совершенное иное.

Вначале я сопротивлялась, как могла, пока понимала ход мысли. Но я была не в силах выдержать натиск её эмоций, проникающих с каждым словом внутрь, резавших мой слух, мою нервную систему. И я упала послушно на мозаичный пол. Распростёрлась у её ног. Я не смела поднять глаз на неё.

– Простите меня, госпожа. Слова вылетают порой, не успев напитаться мыслями, – хрипло шепчу, пытаюсь отбиться от её психического давления. Но она сильнее меня намного,

у неё за плечами – годы упорных тренировок, недаром Рионн – глава семейства Альяринн, Первого оплота Гемм.

Льринни.

– Мы не можем иметь детей. Это наше самое уязвимое место, поэтому мы... зависим от людей, – раздражённо продолжала она, не слушая мои просьбы. – Да, физически мы неуязвимы. Мы не боеем, мы живёт больше ста лет. Наша экономика не зависит от вас. Но репродукция... Увы и ах.

Атака Рионн слабеет с последними словами. Я начинаю понимать ее и почти нашла брешь в своей защите. Нужно еще немного отвлечь ее.

– Но это люди зависят от вас. Они отдают вам детей взамен вашей... лояльности. – Пытаюсь возразить я, продолжая сидеть у её ног. Постепенно я все-таки сложила щит, мысленно накрыв призрачной пеленой свою душу.

Рионн понимает, что между нами преграда, и тогда резко ударяет меня ногой прямо в солнечное сплетение. Холодно, расчетливо, словно проверяя. Изменяет направление боли, из психической в физическую.

Тише, тише... не кричать... мне... не... мне не больно!!! Чертова сучка Рионн, я чувствую себя мазохисткой, но что делать? Я стиснула сильнее зубы. Еле держусь, чтобы не согнуться пополам и не прижаться к полу. А потом не ответить ей тем же, когда боль спадет, не вмазать ей с разбегу. Я, несмотря на годы в Монастыре Покрова Святейшей, все-таки остаюсь человеком.

Ах, этот чёртов этикет гемм!

Один крик, один всхлип – единственное свидетельство слабости, и я навсегда упаду в глазах Рионн. И понимаю, ведь прекрасно понимаю, что не со злости меня бьют, а проверяют, смогу ли я стать Столпом? Смогу ли я быть достойной направлять юных гемм и поддерживать их становление?

Пытаюсь как можно сильнее прижаться горячими ладонями к мрамору пола. Холод успокаивает. Я сижу, сохраняя позу, хотя меня тошнит и кружится голова. В центре живота плещется раскаленная лава.

Ну и сильна ты, госпожа Рионн...

– Люди отдают нам НЕНУЖНЫХ детей. Отдают словно отбросы, только то, что они называют ненужным генетическим материалом. Взамен нашего молчания. Чтобы мы никогда не явились в ВАШ мир. – Она права. Гемм не существует в сознании обыкновенных людей. Кесарь так пожелал однажды. Контролирует всех и даже то, до чего не может дотянуться. – Поднимись с ног, Ульрианнаш.

Я молча исполняю её приказ, хотя сейчас больше всего мне хочется быть неподвижной. Это уменьшает мою боль. Но я все же человек, Рионн. Я мстительна. Осторожно и незаметно снимаю призрачный щит, мысленно ударяю им Рионн в точку между глаз и тихо говорю:

– Так поступили и с вами?

Она всхлипывает от неожиданности, отмахивается словно от надоедливой мошки:

– Меня отдали геммам сто девять лет назад. Тогда мне было восемь лет. Никто не нуждался во мне, моё тело было изуродовано... Пожар...

– Госпожа, не стоит...

Гадко, но я попала в цель, сгруппировавшись и поддавшись желанию преподать ей урок. Не знаю, кому сейчас было больнее – ей или мне. Какой к чёрту я будущий Столп, если я не справляюсь с собственными эмоциями?

Хотя...

– Видишь, – она протянула мне руку. На идеальной белоснежной коже без морщин и пятен бугрился небольшой белесовато – розовый округлый шрам размером с небольшую монету. Там, под кожей когда-то находился чип, с помощью которого опознавалась личность.

С помощью которого человек не нуждался уже лет триста – четыреста в помощи всякого рода паспортов, кредитных карт и устройств – древние ввели его в употребление так давно, что от этих вещей остались лишь понятия в Мировом пространстве.

– Мой новый народ полностью излечил меня, мое тело и разум... Ты знаешь, как мне было тогда страшно? Стоять полуголой и уродливой... быть последней в толпе таких же, как я. Пытаться прикрыть многочисленные шрамы. Безволосое, страшное создание, у которого нет самого главного, что есть в этом мире – защиты своей семьи, – глубина её слов была невозможной. – И ждать смерти. А вместо ЕЁ прихода видеть ИХ, прекрасных золотоглазых созданий в странных одеяниях. И уже ждать от них чего угодно, но только не новой жизни. Мой отец тогда выбрал меня, выбрал своей наследницей и я боюсь представить даже, что все могло быть иначе.

Она замолчала, пересохшее горло её болело. Я чувствовала её боль, язык гемм позволял передавать не только формы, описание, но и делиться полностью эмоциями. Каждое шипящее скользило по нервам и не давало переварить её чувств. Придумать их за нее.

...людям вообще свойственно это – выдумывать жизнь за других.

– А шрам, единственный из всех, – продолжила она с трудом. – Шрам я оставила, чтобы помнить о боли. Это след от Ррипа, растоптанного в пыль.

На мгновение она замолчала, а потом призналась:

– Видишь, я стала свободной от него, но не от воспоминаний. И пожалуйста, больше не делай так... Лучше бы ты меня просто ударила по лицу – я пойму.

Она права. Иногда воспоминания сильнее пощечины. Сильнее разума. И причиняют боль страшнее любого явления, любого оружия.

Рионн была бы сейчас столетней старухой в мире людей, если бы дожила до этого момента ТАМ, где до сих пор не побеждена полностью смерть. А здесь она выглядела двадцатипятилетней красавицей, выглядящей куда лучше, чем я (ох, уж эта женская черта все сравнивать с собой)

Хм, мне ведь самой...

Но мысль прервал звон. Негромкий, сочный и необыкновенно счастливый. Это в шиффе исчезла завеса, как только сенсоры почувствовали, что в крови детей уровень вируса снизился и они снова стали детьми, а не чудовищами, управляемые жадой крови.

Ещё одна ночь безумия юных гемм была позади. Одна из многих. Это состояние длится двадцать – тридцать лет, в зависимости от времени обращения. И этого не избежать, хотя ходили слухи о древних утерянных методиках. В Монастыре говорили, что сама Святейшая взглянула однажды на счастье своих детей и поняла, что безмятежное спокойствие ни к чему хорошему не приведет. Тогда она забрала любую возможность безболезненного обращения, чтобы каждый новый гемма понял, что берет на себя не только свободу, но и ответственность.

Святейшая жестока, но мудра – так пели монахини.

– Дети проснулись. Нам пора к ним. Они знают о вашем приезде и ждали вас со вчерашнего вечера. – Рионн направилась вперед, не дожидаясь меня. Я же плелась позади, окружённая эмоциями и воспоминаниями.

Неожиданно она остановилась, и лишь в профиль повернула лицо, глядя в пустоту:

– И скажите мне, Ульрианнаш, вы бы сами хотели пережить своих детей на сто лет? Видеть их смерть? Или всё же смогли найти в себе силы завести новых, словно домашних животных?

Я промолчала.

Я, честно говоря, не мастер описания. Если бы я вернулась в Монастырь Покрова Святиейшей, то вряд ли смогла детально воспроизвести обустройство поместья. В целом, весь его главный дом был выдержан в зеленых тонах с вкраплением белого и золотого – это были семейные цвета, хотя и эта традиция начала угасать. Если я не ошибаюсь, то здание было двухэтажным, не считая подземной части, но при этом каждый этаж был не менее шести метров высотой. Везде были огромные окна от пола до потолка в больших рамах, украшенные мозаикой. Иногда встречались и витражи, но реже. Витражи были древнее дома и потому выбивались из общей картины – говорили, что их сохранили в память Умерших Городов. Поэтому на них люди, а не геммы.

Миновав огромный общий зал и несколько меньших комнат непонятного пока назначения, мы вышли к красивой, немного вычурной резной лестнице, родственнице витражей. По ней к нам бежали, веселясь и переругиваясь, дети Рионн. Именно на втором этаже находился шифф и совмещённые с ним спальные покои остальных гемм. Эта часть дома считалась подходящей лишь для сна и отдыха, ничего другого здесь не было, кроме личных комнат.

Увидев нас, дети дружно замолчали. Даже няни младших испуганно косились на меня.

Рионн довольно усмехнулась. Я знала, она ждала этого момента. Реакция на меня её должна позабавить.

Ведь я была более чем странной гувернанткой для странных детей. Гувернантка звучит куда проще, чем Столп, «ширрах» на гемми.

Бледная кожа, немного обветренная. Несколько крупных синяков различных оттенков, полученные мной недавно в ближнем бою в Монастыре, самый сочный и фиолетовый из них находился под правым глазом. Несколько глубоких царапин, блестящих от медицинского клея – монахиням пришлось заклеивать, видя глубину раны. Обычно после боя мы носим свои шрамы как медали и редко прибегаем к медицине гемм, способной восстановить все за минуты.

...острые скулы, левая так же разбита. И прямой, на удивление не сломанный нос – лицо оттого хищное и кажется непропорциональным из-за бритой налысо головы. Череп неправильной формы, вытянут и бугроват.

И, наверное, самое ужасное было то, что я человек.

ЧЕЛОВЕК.

...так что вместо ожидаемой леди перед ними стояло босиком тощее лысое пугало, одетое в золотистую заношенную монашескую рясу. И это пугало нагло улыбалось, оголяя с детства щербатые от природы зубки, и разглядывало каждого огромными голубыми глазами.

– Мама, это кто? Она страшная, – протянула испугано девочка лет пяти, прячась за свою няню-красавицу.

Моя хозяйка в ответ лишь оскалила зубы и рыкнула. Словно по приказу дети выстроились в ряд. На шаг назад, слегка путаясь в одеяниях, отступили няни младших девочек.

– Это мой старший сын Кайн. Вы почти знакомы. Ему восемнадцать и он наш наследник, семьи шерн Альяринн. – Начала госпожа знакомство.

Юноша поклонился мне. Без эмоций, сухо. Как и подобает наследнику.

Сейчас я разглядывала его с любопытством. Ночь, что мы провели вместе в дороге, не позволила мне внимательнее изучить его. Да, он худой и нескладный, выше меня, но не лишен мальчишеского очарования. Лицо немного хищное, впрочем, как у всех. Высокие скулы, золотые глаза на смуглой коже. Когда Кайн вырастет, он будет красивым геммой.

– Эти вертлявые близняшки – Анна и Веннэ. Им по пятнадцать. За ним следить особо... Их обратили еще в утробе матери, это отдельная история, потому их действия будут непонятны для вас. По человеческим меркам они жестоки.

Златовласые девицы в длиннополых, как у Рионн, одеяниях рассмеялись. Ни поклона, ни уважения. Я пыталась их различить, но мне не удавалось, хотя через некоторое время я заметила, что у Веннэ есть привычка кусать губы.

Рионн шикнула на близняшек, и смех прекратился.

– Это Тор, очень любознательный и смысленный мальчик. Через неделю ему исполнится тринадцать.

– Спасибо, мама. – Поклонился ей Тор, симпатичный смуглый мальчик. Судя по внешности, его предки когда-то назывались китайцами.

Китай... улыбнулась я себе, как давно в человеческой истории это было...

За Тором последовало знакомство с девятилетним рыжеволосым Марко, который предложил мне посчитать его веснушки и показал язык, когда Рионн отвернулась. Марко был более развитый, чем Тор, несмотря на разницу в возрасте. Его осанка и жесты говорили о том, что мальчик готовится в Смотрители – геммы этой ветви с детства обучаются боевым искусствам. Смотрители – хранители Старейшин...

Пятилетняя Ума, три месяца как назад обращенная, пугливо выглядывала из-за юбок своей няни и косилась на Тамару, темнокожую сестричку лет четырёх. Ума была копией Рионн, такая же темноволосая и бледная. На лбу её краснело бинди – маленькая гемма по крови была отчасти индианкой.

– Тамара была обращена три года назад, поэтому во многом смысленей, нежели Ума. – Пояснила госпожа, – а Андрею ещё предстоит стать геммой. Его мне отдали недавно. Скорее всего, судя по имени, он с твоей родины...

Я вздрогнула, глядя на светловолосого малыша. На мгновение меня возвратило в прошлое.

Шум, разломанный асфальт и крики людей. Свист пуль... и кровь в лицо... крики... вопль ужаса застыл в ушах...

– Я представлю вас всему Дому Альяринн, Первого оплота Гемм позже. – Вернул голос Рионн меня в реальность. – А пока что это наш новый Столп, которую мы ждали и которая заменит нам Рао. Ширрах Ульрианнашш.

– Ульяна, – поправила ее я.

Рионн только зло сверкнула глазами в ответ. Рао умер во сне, в возрасте восьмидесяти шести лет год назад. Человек, который жил наравне с геммами и был частью их семьи. Человек, который напоминал геммам о том, кем они были и кем они стали. Столп, с которым я переписывалась и который рекомендовал меня Рионн.

– Сегодня дети позавтракают без вас. До трёх часов я даю время подобрать гардероб и выписать вещи, для этого я сейчас же пришлю вам помощницу. Не можете же вы разгуливать по дому в этой ужасной рясе. Одного раза хватить, чтобы дети... гхм... вами впечатлились. Идите, Ульрианна.

Я довольно улыбнулась, услышав более-менее правильное произношение моего имени, поклонилась ещё раз ей и детям, и удалилась к себе.

Недели мне хватило на то, чтобы привыкнуть к своей работе. Большую часть времени занимало общение, что резко отличало мой быт здесь от созерцательно-молчаливой жизни в Монастыре. Поначалу я даже пугалась, когда ко мне обращались резко и беззаботно. В Покрове Святейшей мы за несколько метров предупреждали о «вторжении в личное пространство» определенными жестами и звуками, так как многие находились в состоянии транса. Это позволяло заранее предупредить о возможности или невозможности общения.

Мне выписали одежду, в основном это были выбранные мной хлопковые и льняные брюки и размашистые туники мужского покроя, которые я по привычке перебинтовывала в талии шарфами контрастных оттенков. От вычурных платьев и кимоно я решительно отказалась так же, как от косметики и украшений. Рионн, говорят, вначале порвала моё прошение, прочитав список, но потом смиростивилась и дала добро.

Но босиком мне ходить по дому строго запретили. Хотя с первой встречи мне понравился именно пол.

Я потихоньку обживала покои, устраивая в них привычный аскетичный уют. Кровать и многие вещи выкинула вон, ковры и тяжелые бархатные шторы так же полетели на склад. Несмотря на вентилируемые стены и какие-либо новшества, вроде поглощения и растворения пыли, я не могла смириться с удушающей меня обстановкой и вскоре комната стала похожей на мою келью в Покрове Святейшей. Голый мрамор, единственный сундук с бельём, пара стульев и матрас с периной. И разбросанные повсюду книжки.

Единственное отличие – в покоях также находилась личная ванная комната.

– Льюти, а почему мы молимся этой штуке? Это же камень, – теребя меня за рукав бирюзовой туники, обратилась как-то Ума.

«Льюти» на языке гемм означает «дорогая, близкая, в которой я нуждаюсь». Эта девочка быстрее всех привыкла ко мне, её человеческое сознание ещё не мутировало, а, следовательно, знания она поглощала вдвое медленнее, чем остальные, и потому расспрашивала обо всём, чтобы не отставать. Многое ей было ещё непонятно.

Мы сидели вдвоём в святилище позади шиффа, на шелковистых теплых плитах около древней каменной статуи Святейшей. В тишине и покое, вдали от всех. Так уютно, по – домашнему. Я погладила Уму по маленькой ручке, инстинктивно. Словно... словно это была моя дочь...

– Это не штука. – Нараспев произнесла я, посмотрев на изваяние. Статуя была безликой, просто человеческий силуэт. – Это изображение той, кто является родоначальницей всех гемм. Говорят, она пришла в этот мир, чтобы помочь людям обрести себя...

– А они?

– Они отвергли её дар. Они не смогли поверить в неё, посчитав её существование отвратительным. То, что не могут изменить люди, всегда считается чужим.

– Но если она была, тогда почему никто не знает, как она выглядела? У неё не было лица?

– Нуу... – протянула я, думая, как ей объяснить. Но Ума уже неслась вперед, не дожидаясь:

– Льюти, а ты веришь в неё?

Я также не успела ответить. Меня прервала вошедшая в покои Ариан, её няня.

– Что ты, Ума. Как можно? – одернула она девочку, сверля меня золотистыми глазами. – Улрьяннашш – человек.

Человек! В это слово она вложила всю ненависть и злобу, на которую была способна. Вплела её в тонкую канву слов так, чтобы Ума не осознала происходящее между нами, не почувствовала в голосе.

Стало немного дурно от её эмоций.

– Ты права, Ариан, – в комнату вошли сестры – близнецы. Куда без них, моих маленьких устроительниц личного ада. – Она всего лишь человек. Беспольный, к тому же.

Своё недовольство они не скрывали, в отличие от Ариан. Няня Умы поклонилась им, надменно поджав красивые губы и поглядывая на меня. Мол, смотри, равная говорит с равными... Что поделать, к людям отношение здесь не самое лучшее до тех пор, пока не заслужишь. Ничего не дается просто так и сразу.

Я поднялась на ноги, придерживая около себя Уму, зло шипевшую на сестер. Это она старается защитить меня, поняв, что происходит – в ее детском разуме еще теплится понимание человеческих отношений.

– Не беспокойся, лютит. – Обратилась я к ней, – твои сестры злятся лишь потому, что я – очередное напоминание об их человеческой жизни. Ведь геммами не рождаются.

Многочисленный поклон в сторону близнецов. Зря. Молодые геммы неуравновешенны, их организм постоянно изменяется, подстраивается под вирус. Он дарит им многое – долголетие, интеллект, коллективные знания – но пока в их крови бешеное пламя гормонов, адреналина и море агрессии.

– Мы родились геммами! – Веннэ щелкает зубами, словно кусает меня. – Наша мама была человеком и дала нам жизнь, но мы родились уже с другой кровью.

Я помню этот эксперимент. Рао писал о нем. Одна девушка, Лия, медленно умирала от иммунного заболевания и не могла позволить себе хотя бы выносить детей. Дом шерн Альяринн не мог вылечить ее, вирус гемм иногда не приживается в больном организме. Лия предложила старейшинам искусственное оплодотворение, те согласились, и восемь месяцев в ее теле, подключенному к аппаратам жизнеобеспечения, росли девочки-близнецы. Все эти восемь месяцев Лия была счастлива, она придумала малышам имена, шила им одежду, писала письма – настоящие, длинные и на бумаге, на несколько лет вперед. Затем, на последнем, девятом месяце их мама впала в кому, и ее тело, лишенное разума, вынашивало детей, а затем Анне и Веннэ привили вирус перед тем, как извлечь. Это было очень опасно, но по-другому было нельзя – до года, времени обращения, они бы просто не дожили. А после рождения, с первым вдохом, вирус посчитал бы их слабыми существами...

Лия была по-настоящему счастлива и бессмертна, в собственных детях. Она не принесла себя в жертву. Она была матерью от и до. Не думаю, что лишние пять лет ее жизни были бы драгоценнее осознания того, что ты подарила миру двух прекрасных, более совершенных существ.

Анна берёт под руку шипящую Веннэ, уводит её из покоев. Я лишь по-доброму улыбаюсь им вслед. Так будет первое время. Они будут шипеть, пытаться задеть меня и даже напасть. Но это норма. Наше обоюдное поведение – часть своеобразного ритуала. Чтобы стать их другом, мне придется потрудиться.

Не успели они выйти вон, как Ума резко упала на пол, повиснув на руке в моей ладони, и забилась в конвульсиях. Её тело и её разум плавись в изменении. Кровь гемм пожирала внутри неё человеческие клетки и заставляла бешено делиться новые, уже изменённые. Вирус внутри репродуцировал собственное ДНК. Розоватая пена из ненужных телу веществ полилась на пол, глаза стали красными – не хватало мутированной крови для процесса.

Ариан, на то и была её няней, бросилась к малышке. Надкусила запястье и, прижав кровоточащую рану ко рту Умы, начала читать молитвы.

Мурлыкая, напевая переливы. Знакомые шипящие слова, наполненные силой и любовью.

...Святейшая, первая из нас...

...Напои нас своей благодатью...

...Дай нам силу изменений...

...Верим в тебя...

Я вышла из комнаты, не в силах наблюдать за мучениями девочки. Она с пеной у рта жадно глотала кровь Ариан, словно маленький голодный зверек... Лицо её вытянулось, когти стали бордового цвета и царапали плиты.

...человеческая часть меня взбунтовалась.

Каждый день мы двигались вперед по расписанию.

Подъём, молитва, завтрак, учение, игры, личные дела, обед...

Пока дети занимались своими делами, я проводила это время на кухне, обнюхивая еду и наблюдая за действиями повара. Да, именно обнюхивала – когда Рао прислал наставнице письмо о желании выбрать новый Столп, меня и еще троих начали готовить – и конечно, «посвятили» в тайны приготовления и специфику блюд гемм. Поначалу, честно говоря, меня немного подташнивало, но со временем привыкаешь ко всему.

На обед сегодня приготовили кайер – весьма специфичное блюдо на основе свежего мяса, генетически изменённой бычьей крови и десятка различных примесей, состав который вежливо умалчивался. От меня требовалось различать это всё по своеобразным нормам – цвет, запах, консистенция; для измерения состава у меня был специальный прибор со шкалой – а вникать, что из чего приготавливалось, не хотелось.

Повара звали Стефан, он являлся старшим сыном семейства шерн Альяринн, и готовил ещё при своём отце, наплевав на устои Дома. Стефан безумно злился, когда я «вторгалась в его владения» и потому завести интересующий меня разговор, почему он отказался от наследования Дома, передав право Рионн, было невозможно.

– Ваша еда в холодильнике. Разогревайте сами. – И так каждый день. Одна и та же фраза, наполненная одними и теми же эмоциями. Стефан страшно злился на то, что какая-то новая гувернантка, тем более человек, проверяет приготовленную им, великим поваром, пищу. И ещё порой фыркает на несоблюдение некоторых норм. И заставляет переделывать. То, что я по сути дела – вроде как великий Столп, ширрах, присутствие в доме которого обязательно, его не вообще волновало. Старая добрая песня – сначала заслужи.

Я молча подошла к холодильной камере, достала свой обед и приготовилась выкинуть его в уничтожитель:

– Как и вчера, и позавчера, я обойдусь овощами, уважаемый Стефан. Вы прекрасно знаете, что я люблю свежее. И притом, дети не очень хорошо относятся ко мне. Всякий раз, когда вы оставляете мою пищу, они портят её...

– А вы думаете, я не могу? – ухмыльнулся довольно повар.

Ну что ж.

Тогда виноваты сами.

Каждый день эти перепалки, свежие овощи, от которых начинает подташнивать. В конце концов, их выращивают специально для меня такие же геммы. Кто знает, на что способны они в своих теплицах, даже страшно представить! И я уже устала от детских проделок на пару со Стефаном.

– Вы сегодня обедаете с нами, уважаемый.

Удивлённо он смотрит на меня, не понимая, в шутку или всерьёз...

– Вы не ослышались. Вы обедаете сегодня с нами. – Убрав свежеприготовленный кайер в лёд, я улыбнулась. Настолько гадко, насколько можно.

Я прекрасно знаю, что могут употреблять из человеческой пищи геммы, а что нет. Томатный суп, горячо любимый мной, как и вчера, был подпорчен примесью крови, остатками тушек мелких животных и сероватой кашицей, о составе которой я старалась не задумываться. Я так и представила, как по очереди они убегали на кухню и хихикая, кидали, что душе хотелось и под руку попало. Но, несмотря на всё, для гемм он был не опасен и даже легкое расстройство желудка заработать они не могли.

Всю эту адскую смесь, предназначенную мне, я мило разливала по керамическим тарелкам.

Стефан сидел около меня, бледный. Звук демонстративно льющейся жижи вызывал у него тошноту. Иногда он пытался перечить:

– Но... вы не должны это допустить!

– Глава третья. Пункт четвертый. Ширрах Ульяна, как доверенное лицо, может применять раз в неделю исправительные меры, распространяющее на всех членов дома, исключая госпожу. По собственному желанию и без согласования с указанием в объяснительной причине. – Нараспев декламировала я, стараясь не смотреть на пищу.

Старый повар, которому недавно исполнилось двести восемьдесят лет, который верно служил Дому шерн Альяринн и был перворожденным, явно пал духом.

Собрав детей, я попросила их очистить руки и, прочитав молитву, приступить к трапезе.

Младшие жадно ели. Естественно, в силу своего возраста и полного отсутствия чувства расового превосходства, они не могли портить мой обед, да и вообще не имели представления о случившемся. Поэтому Тамара и Ума с горящими глазами уплетали кайер, пачкаясь в свежей крови. Малыша Андрея кормила кашкой Ангуин, его няня. Он ел пока только человеческую пищу, геммой малыш станет через недели две или месяц, Коронацию, так называлось обращение, ещё не назначили.

Остальные сидели и с неохотой ковырялись в тарелках.

– Что же вы? Совсем не голодны? – Я обмакнула проклятый помидор в соль и смачно, немного наигранно откусила. – Ууу, вкусно! А вам что, не нравится суп? Стефан так старался... Да и вы тоже.

– Мы расскажем маме! – Вспылила Веннэ и отодвинула от себя обед.

– Да? А заодно расскажем госпоже Рионн о вашем гостеприимстве. Вы же старались сделать всё лучше и привить мне, человеку, любовь к национальной кухне. Так или не так?

Кайн, никоим образом не выказывающий интереса, лишь покачал головой. Молча взял ложку и, отчаянно и горько вздохнув, начал есть. Остальные с неохотой последовали примеру наследника.

Переборов тошноту, я продолжила есть ненавистные помидоры и наблюдать за детьми. Иногда Стефан пытался слить суп в кадку с цветами неподалеку, когда я отворачивалась в сторону.

– Хватит удобрять растения! – возмутилась я наигранно. – Марко, будь любезен, уступи дяде Стефану место.

Марко сидел рядом со мной и потому радостно пересел на место повара в надежде на ту же кадку. Но всё его довольство сошло на нет, когда я сухо заметила с набитым ртом:

– Будешь удобрять цветы, получишь добавки. Ещё много осталось.

Стоит ли говорить, что после этого моя еда каждый день была свежей и без каких-либо примесей...

– Не скажу, что ты поступила благородно, но... молодец. Я приняла твое решение, – вечером сказала госпожа Рионн. На лице госпожи сияла улыбка, когда она узнала о проказах своих детей.

Мы сидели вдвоем в её покоях, как и в первый день моего приезда, на мягких коврах в окружении подушек, и курили кальян. Это стало нашей традицией. За окном ночь, а госпожа не торопилась лечь спать. Я же не видела её три дня – всё это время она провела в Общей Империи, исполняя долг своему народу, и теперь с интересом слушала мои новости. А после поделилась переживаниями по поводу Империи:

– Эти... это ваше правительство, – она имела в виду людей, – они решили ограничить нашу численность. Ближайшие восемь лет ни одного ребёнка... Они боятся, что с нашим долголетием и способностями мы вырастем как нация и уничтожим их. Император вчера издал указ, он даже не принял нас и не выслушал.

– Испугались чего? Что вы численностью чуть больше ста тысяч одолеете их? Живя на отдалённом континенте и не имея никакого оружия? – я ухмыльнулась. Рионн выпустила в ответ ароматные кольца дыма и растянулась по ковру. Её бледное лицо словно высечено из снега, золотые глаза приоткрыты, пальцы перебирают длинные смолянистые локоны.

– Нас до сих пор боятся, считают порождениями тьмы. Для людей, этих высших чинов своего народа, мы навсегда вампиры. Память о смутных временах. – На минуту она замолчала, что-то вспоминая. – Когда был жив отец, он каждый день рассказывал о ТОМ времени. Всё хотел, чтобы мы помнили. Видели его глазами Святейшую... ведь он видел её. Видел и знал, Ульрианнаш.

Да, именно Святослав шерн Альяринн, тогда ещё Святослав Аларин, спортсмен и интеллигент, неисправимый оптимист, одним из первых испытал на себе ЕЁ Крик. Именно его она лично сделала геммой, несмотря на отчаянное сопротивление. Хотя кто знает, как это было на самом деле... Говорят, именно на нём уже позже ставили опыты, пытаясь понять суть мутации, учёные в «сверхсекретных организациях». Эти опыты дали знать о себе позже, в достаточно зрелом для гемм возрасте. Он скончался сорок лет назад, оставив свой Дом на хрупкие плечи Рионн, с детства готовившейся к этому.

И именно Святослава Святейшая избрала своим голосом, вытащив из лап непонимающих людей. И именно он огласил её волю.

Святослав никогда не видел её лица, вернее, не помнил его. Говорят, Святейшая перед тем, как покинуть свой народ навсегда, забрала у каждого воспоминания о себе. Лишь спутанные чёрные волосы, бледные хрупкие руки и накрывающие её с ног до головы узорчатые крылья, сотканые из человеческой крови – вот и вся Святейшая.

И ещё, в своих снах, она часто приходила к нему, и он слышал её печальный голос. Плачущий человечество. И умоляющий простить её за все.

Её детищ люди боялись. Боялись, ненавидели, но не трогали.

Знали, что отомстит, где бы ни была.

Ведь кровь была у всех.

У каждого.

И кровь была её царством.

Только я хотела заявить Рионн о своих догадках по поводу бойкота людей, как она прошипела:

– Тебя ведь никто не знает там, в Империи. Я наводила справки.

Ещё чуть-чуть и она вцепится мне в горло. Ох, уж эта несдержанная молодая гемма со своими перепадами настроения! Пришлось выкручиваться.

– Меня подобрала монахиня десять лет назад, когда корабль с неугодными людьми был уничтожен. Меня прибило к берегам Шим’Таа, я до сих пор не понимаю, как спаслась. Я и своих родителей почти не помню. – Повторила я всё то, что было известно ей прежде.

– Я учла это. Я внимательно читала записи монахинь. Но на том корабле никого, похожего на тебя не было. Я пролиставала все файлы. Ты ведь не могла стать невидимкой?

Молчу.

– Тебя не чиповали. Я взяла с собой твою голограмму и попыталась найти по базе. О тебе нет никаких сведений. А если и были, то на сколько же ты негодна была Великой Империи, что тебя стёрли из базы восстановления?

Я замерла. Все генетические данные хранились в единой общечеловеческой базе, на их основе изготавливались новые органы и другие части тела, если понадобится – а лучшими биоинженерами были геммы. Во время поездок взамен детей или по личному заказу Император разрешал ограниченный доступ. И Рионн им воспользовалась в личных целях.

Минуту я разглядывала гнев в её глазах, мне предстоял долгий монолог, потом шумно вдохнула воздух и выпалила в лицо госпоже:

– Извини, я не могла рассказать это раньше. Просто... я – нелегал. Евгениум. Так называют людей, которые не должны родиться вообще. Это генетический материал. Моя мать вынашивала детей для какого-то человека, всего я и не помню, что она рассказывала. Я была не первой для нее, такие дети считались наилучшим материалом для выращивания органов и тканей. Не клонирование и не ваши технологии – настоящая плоть и кровь. Но именно на мне она сломалась и сбежала. Когда я родилась, меня не чиповали... У меня не было отца, поэтому невозможно было обрести статус. Я была низшим существом среди низших.

Мне нелегко давались слова. Я кружила среди шипящих окончаний и пыталась вплести в глубину геммы всю боль и отчаяние, избегая и ей, и мне ненужных воспоминаний. Недосказанная правда – ещё не ложь.

– А потом в общине, куда попала моя мама, началась лихорадка. Тогда многие умерли, нечистоплотность и отсутствие медикаментов сказались... Говорили ещё, что это Высшие устроили чистку. Наверное, так и было. Но это был настоящий ад. Моя мать бежала на корабле, на Мертвые острова, как обещали, заплатив за место мной. Всё равно я – евриум, существо без будущего. И к тому же, просто выросла, стала ненужной её материнским инстинктам.

Куда они бежали, я не знаю. Но корабль попал в шторм, и его закрутило. Он был ужасно старый, еще с древних времен. Работал на нефти, непонятной чёрной воде. Однажды она закончилась, и тогда началось самое страшное. Бойня. Агония. Хаос. Люди выживали как могли. Трупов не было... их... я еле сдерживала тошноту... немногие останки лишь сбрасывали за борт. Дрались за воду, за нормальную еду. Единственное, что было общим и ненужным – воздух.

А потом был взрыв. Что-то горячее ударило с небес однажды днём. Горячее и расплавленное. Словно золото. И всё. Больше я ничего не помнила. Меня отшвырнуло в сторону, запачкав чужой кровью лицо. Блаженство холодной воды и тишина. Но я не утонула.

Меня случайным образом прибило к берегам земли гемм, Шим’Таа, о которой я знала из старых сказок, мать всегда пугала по ночам вампирами. А монахиня, прогуливаясь ежедневно по морскому песку, увидела тело. Вытащили, выходили от ожогов и оставили в монастыре, благодаря моим качествам евриума. Я была выносливой, покладистой и обучаемой.

– Вы можете выслать меня в Империю, но людям безразлично моё существование. – Я отпила немного вина из бокала и улыбнулась Рионн. – Немного позже я узнала, что тот корабль с неугодными был не единственным. Высшие чины устроили всё так, чтобы провести очередное шоу по Сети. Древний способ управлять толпой. Рейтинги просмотра просто зашкаливали.

Радовались до тех пор, пока один из кораблей не занесло в воды Шим'Таа и на экране показали случайно земли, которых нет на картах. И корабль просто уничтожили с беспилотников – дронов. Многие Высшие тогда лишились больших денег, поставив на этот корабль.

Госпожа внимательно следила за моей речью, пыталась найти противоречия. Но успокоилась, читая в моих глазах искренность.

– То, что вы приняли за шрам от РРипа, на самом деле следы от укусов. Меня пытались съесть. Тогда, на корабле. Я ничего не рассказала монахиням... Боялась, что они отправят меня обратно. Евгениумы – не люди. Такие, как я, бесправны в мире людей.

– Многое в вашем мире ужасно и отталкивающе. Ваша Мировая Империя сотворила с народами злую шутку. Мир никогда не наступит в том краю. – Рионн отставила в сторону бокал и коснулась моей руки. – Когда власть любви победит любовь к власти, наступит мир на земле.

– Джимми Хендрикс. – задумчиво произнесла я, вспоминая автора подобных слов.

– Джииму Хандрикуши, – неловко повторила госпожа, пытаясь выговорить мои слова. – На каком это языке?

Танец второй

Прошло ещё несколько дней. Я даже начала делать успехи в многосложных отношениях Дома и его обитателей. На моей стороне уже были Ума, малыш Андрей (его я записала в союзники по причине улыбок в мой адрес) и Марко, рыжий несносный мальчишка, которого я обучала ближнему бою. Пару раз он даже сказал мне что-то вроде «спасибо».

Против – большая часть семейства шерн Альяринн. Кроме Кайна.

Нейтралитет. Это означало, что наследник не пакостил, но и не предупреждал меня о проделках других.

Хотя бы так. А то, глядя на наследника, распоясались бы вовсе.

– Что дает вам вся эта возня? – задумчиво спросила как-то я невпопад, разглядывая распускающиеся чайные лепестки в прозрачном сосуде.

Обед.

Моя привычка пить чай раздражает их безумно. Чай для них – что-то ужасное, всё равно что горькая микстура у человеческих детей. Растения в пищу здесь употребляются редко, и только в виде незначительных приправ по вкусу.

За столом дети, няни и я.

– Ты не заслужила наше уважение. Ты – человек. Но совсем не такая, как ширрах Рао. Ты даже не красивая! – Фыркнула Веннэ, младшая из близнецов.

– Да, потому что ты человек и у тебя нелепые привычки. Ты ешь растения! – Поддержал её всезнайка Тор, как-то нехотя. Такое ощущение, что его пнули под столом ногой, чтобы поддержал.

– И что? В этом и есть необходимость моего присутствия здесь. Напоминать, что вы подобны мне, хотя и мутировали когда-то.

– Какая наглость! – вспыхнула Ангуин, няня Андрея. – Мы – геммы. Наше сознание изменено, в нас не осталось ничего человеческого, даже на клеточном уровне. Госпожа Рионн приняла каждого из нас в своё семейство. Все Столпы в Шим’Таа уважаемы и не позволяют себе таких необдуманных слов. Или ты хочешь сказать, что и она – всего лишь мутант?

Лицо Ангуин было неестественно бледное. Золотые радужки становились багровыми по краям.

Пурпур и золото. Завораживает.

– Госпожа Рионн знает о моём отношении ко всему. Вы чтите традиции гемм, Ангуин, но не чтите традиции древней Земли, откуда вы родом. Откуда родом Святейшая. Ваша Пра-матерь никогда не забывала, кто она и кто вы. – Спокойно отвешиваю я на геммы, играя переливами шипящих. Наслаждаясь каждым звуком.

Няня выпустила когти. Скверный знак. Надеюсь, что до смертоубийства дело не дойдёт.

Нависшую угрозу разогнал Кайн.

– Ул’Яна, – он почти правильно выговорил моё имя. – Тогда почему наша мать выбрала именно вас после Того, кто ушел? Ведь у неё был огромный выбор среди людей, живущих долгое время в других семействах. Но именно вас я привёз в наш дом.

Кайн и без меня знал лучше об истории моего назначения. О том, что Рао поставил льринни перед выбором и настоял именно на моей кандидатуре. Но сейчас сказанное им всего лишь для отвода глаз. Золотоглазый выводок шерн Альяринн почти успокоился и с неким интересом ждал моего ответа. Даже Стефан вышел из кухни и встал в дверном проеме, наблюдая за нами.

Стараясь избежать каких-либо встречных взглядов, я налила себе чай. Запах корицы и мёда из старых запасов гемм наполнил мою память воспоминаниями...

Я встrepенулась, поморщила носик и улыбнулась наконец детям:

– Во-первых, несмотря на то, что в Монастыре Золота Покрова Святейшей в основном проживают люди, по каким-либо причинам попавшие в Шим'Таа, мы обучаемся как будущие Столпы, независимо от того, станем мы ими или нет. Во-вторых, Тот, кто ушел... ширрах Рао три года вел со мной переписку и устроил мне такие выпускные экзамены, что после них выжить с вами – проще простого. Я физически сильна и могу противостоять вам. Так что шею вам мне не перегрызть, как не старайтесь.

– Да, она сильная! Синяки мне ставит такие, что не сразу проходят. – заметил Марко, показывая свежие боевые отметины.

– В-третьих, за десять лет, что я прожила в монастыре Золота Святейшей, я изучила пять Высших Действ Гемм, глубину языка гемми, восемь танцев Посвящения. Поверьте, это было нелегко и не сразу. Я знаю основы боевых искусств других домов. И в-четвертых, – мои глаза предательски загорелись, язык умчался вперед осознания сказанного, – Я знаю маленький секрет. То, о чём не знает ни один из...

Звон осколков отвлек всех от моей речи. Ума разбила свою фарфоровую чашу в приступе и теперь билась на кресле, оголяя розоватые клыки.

Красное на белом.

Не знаю, умышленно или нет, но ты права. Это только наш секрет, дорогая. Пока только наш... Рионн мне не простит этого, если узнает всё вот так.

– Смотри. Ноги на ширине плеч. Поворот, прогиб, удар. Запомнил?

Марко пластично повторяет все мои движения. Ничего детского в его поведении, в его движениях. Хищные ощерившиеся зубки, замутнённые глаза... Эй, да этот мальчик норовит мне прокусить шею!

Марко в боевом трансе.

– Нападай! – рычу я на манер гемм и ускользаю от смертельного удара.

Рывок, ложный выпад и аккуратный шлепок по спине.

Марко шипит и зло смотрит на меня.

– Я здесь для того, чтобы научить, а не быть тобой убитой. – Улыбаюсь я. – Умей предугадать мои действия и тогда ты сможешь нанести удар в необходимое место.

Мне непривычно жарко. Голову я не брею с тех пор, как покинула монастырь, и теперь тёмный ершик волос непривычно тяжел.

– Ну что, повторим? Смотри. Выпад, поворот.

Это случилось на следующий день после злополучного обеда. Кайн поймал меня почти у выхода из детских покоев. Вернее, попросил остановиться. Я уже было направилась в свои покои, и сделала бы это без промедления, если бы не его тон.

– Ул... Уль-я-на. – по слогам произнёс он. – Мне бы хотелось, чтобы ты ответила на некоторые вопросы.

Рукой он вцепился в мои одеяния, давая понять, что отказ невозможен. Да, весь в мать. Вежливая жестокость. Наверное, и придушит ради достижения цели.

Так я с вами и мазохисткой стану, дорогие мои.

– Уже поздно, Кайн. – Я посмотрела на табло в проеме. Оно было фиолетовым. – Скоро опустится завеса. Может, завтра поговорим?

Ткань захрустела под натиском, ещё чуть-чуть и лопнет. Наследник без эмоции вцепился второй рукой в горло и несколько придушил. Я захлебнулась воздухом и замерла. Отбиваться не имело смысла, так и повисла на руке.

Ну вот, я же говорила. Поэтому я предпочитала общаться с геммами старше двухста лет.

– Я спрашивал Ариан, когда она в последний раз поила Уму во время изменений. Ведь вчера, за обедом она отказалась от крови собственной няни. Ты видела.

Да, Ума билась в конвульсиях, но когда Ариан сбросила с себя маскирующие браслеты и подала ей запястье, на котором я заметила легкую сеточку ирамов, девочка оттолкнула её руку и не испила свежей крови. Даже когда Ариан надрезала кожу и попыталась влить, она только измазала её лицо. Ума не приняла ни капли. Я на её протест не отреагировала, даже попросила оставить ребёнка в покое.

– И знаешь, что Ариан мне ответила?

– Ума не приложу, – добродушно улыбаюсь я и тут же получаю пощёчину.

– Она сказала, что с недавних пор вы уединяетесь с моей сестрой. И во время приступов Ума теперь не пьёт кровь. Что ты вбила в голову малышке? Почему она отказывается?!

– Ну, наследник, успокойтесь. От этого она не станет вновь человеком. – Вторая пощёчина не заставила себя ждать. Щеки алеют от ударов, в глазах моих – всё та же ирония.

Ах, милый Кайн.

– Прекратите насмехаться! Отвечайте! – сквозь оскаленные клыки шипит он. Мне показалось, или его зрачки стали... полностью багровыми?! Когти стали больше и теперь резали мои запястья, впиваясь в кожу. Запахло кровью.

– И не думайте, что я забыл вашу фразу. Что вы знаете больше, чем кто-либо? Что вы скрываете?!

Заорали, оглушая, сенсоры, напомнив мне о времени. Кайн был за чертой, и потому завеса не могла закрыться... Хвала Святейшей, что он остановил меня в шаге от входа в шифф. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы оторвать от себя недавно спокойного наследника, а теперь взбесившегося монстра с пеной у рта.

Я откинула с силой его в сторону, за черту покоев. Взбесившиеся сенсоры ощутили, что все детки в клетке, и опустили завесу. Сквозь её серебристое поле я видела, как бился в конвульсиях наследник, заливая пол розоватой пеной. Изменения для него не закончились, до двадцати одного года продолжалась самая длительная по времени вторая фаза мутации. Насколько я знаю, в его возрасте происходит самое болезненное – заменяется костная ткань и во второй раз перекраивается нервная система. Бывшие клетки его позвоночника, спинного мозга шли на корм вирусу. Уничтожались и разрушались на корню ДНК, доставшееся от предков, заменяясь на новое, неизвестное.

Дикий от боли вой других детей за завесой заставил меня вспомнить об угрозе, прошедшей мимо. А что, если все семеро набросились на меня? Даже для взрослого геммы они опасны, не говоря о человеке.

Восьмой, Андрей, через несколько дней присоединится к их хору. Обращение проведут тайне Старейшины гемм.

Те, кого обратила сама Святейшая и передала им заветы.

– Только не говорите, что вы это сами и нечаянно. – Протянула Рионн, разглядывая мои ссадины с синяками на шее и запястьях. Любимая голубая туника безнадежно порвана и залита пеной.

– Кто? Веннэ? Анна? Или кто-то другой из гемм? Кто первый позволил себе подобное? – вопрошала Рионн.

– Я сама, – фыркнула ей в ответ, упорно скрывая произошедшее.

Госпожа сжала и без того мои опухшие запястья, и прошипела:

– Кто?! Пена геммов на тебе. И пахнет... – она медленно принялась к пятну, словно пыталась узнать. – Не может быть!

По глазам видно, что догадалась. Запах пены уникален.

– Нет!

– Да!

– Нет, я сама виновата. Замешкалась, прощаясь с Умой. Вот и получилось...

– Излишняя привязанность до добра не доведет, Ульрианнаш. – Золотистые глаза её плавили меня, ища хоть малейший всплеск эмоций. – Ариан говорила, что в последнее время...

– Мы медитируем. – Оборвала я, не в силах выслушивать это и от неё. За что и поплатилась. Рионн опять вцепилась когтями в руку. Больно, до свежей крови.

– Будь внимательней, Ульрианна. – уже нейтрально – ласково обратилась она ко мне. – Я тебе доверяю.

Подожди, Рионн. Ещё не время... Я сама всё расскажу, почему Ума больше не пьёт кровь. Я сама. Но не сейчас, пока я не могу...

Госпожа задумчиво смотрит на меня и вдыхает запах крови на ее пальцах, такой теплый, металлический и будоражащий. Клыки немного оголены. По глазам видно, она играет мной, запугивает. Выдержу ли я, не вылетит ли слово испуганным зайцем? Она делает вид, что сдерживается, чтобы не напасть и не перекусить мне горло.

Я постараюсь не разочаровать льринни страхом. Но всё же внутри себя, очень глубоко, сворачиваюсь в комок.

– Мы же не варвары, пить человеческую, – улыбается она довольно и смывает кровь в небольшом фонтане около. Затем подает мне свой платок. С благодарностью принимаю и оборачиваю им свою кровоточащую руку. Белая его ткань покрывается причудливым алым узором.

Жжёт.

Больно.

«Руда, руда алая...

...Успокой моё сердце ретивое»

– Отправляйся спать. Сегодня ты слишком вымотана для беседы со мной. – Рионн нервно теребит рукава своего длинного бирюзового одеяния. Неужели волнуется? Отчего ей волноваться, моей ледяной статуи?

– Ничего, госпожа. Завтра будет новая ночь, – кланяюсь я ей, и с трудом дождавшись, когда она исчезнет из виду, бегу к себе.

Испорченная туника пахнет ужасно.

Геммы – замечательный народ, на мой взгляд. Их замечательность для меня заключается в их стабильности и консервативности. Благодаря тщательно охраняемым традициям и законам, быт не менялся со дня основания государства. За редким исключением. Шим Таа, в прошлом известный как материк Австралия, был отдан новой расе взамен сохранения мира между людьми и мутантами. Говорят, Святейшая видела в бессмертии своих детей только

отрицательные стороны. И хотела как можно быстрее оградить гемм от внешнего мира, пока вирус не поразил ещё больше людей.

Не всё было хорошо, нет. Райские сады появились не сразу. Тот мир, что вы видите, является плодом долгого и упорного труда, борьбы с человеческим я. Не сразу наступил мир в Шим'Таа. Бессмертие – слишком тяжёлая ноша, считала родоначальница нового народа.

Многие геммы, выбранные Святейшей, не оправдали её доверие. Многих детей своих она отправила в Океан раньше времени. Слиться с Океаном – означало здесь умереть и агрессивно окрашенное произношение этой фразы до сих пор считается страшным проклятьем, за которое можно и на дуэль вызвать. Сейчас эти слова редки. Геммы не бессмертны, но пока трудно сказать о том, сколько же могут они прожить.

Что было причиной гибели многих, спросите вы. Говорят, кто-то посчитал себя богом и решил перекроить мир гемм на свой лад. Кто-то не переставал быть человеком и предавался похоти. Кто—то продавал вирус Высшим Чинам, желающих жить вечно. Причин было много, но исход один – Святейшая убивала их без сожаления.

Со временем материк и государство гемм было стёрто со всех карт и из памяти Великой Империи, а сами «вампиры» стали чудовищами в детских сказках... Да, что ни говори, а чудовищами со своей импульсивностью и садистскими наклонностями они точно могли стать. Хотя этим грешили только молодые особи. Ко второму столетию жизни вирус в организме стабилизировался, и вспышки агрессии проходили сами собой.

И да, наверное, не стоит больше сравнивать гемм с вампирами. Им приходится употреблять большое количество свежего мяса и крови животных, в гневе у них заостряются клыки и ногти, а для обращения новых гемм используется переливание небольшого количества зараженной крови, причем используется кровь Старейшин – Аорэ. Это истиннорожденные, в которых кровь их прародительницы, а следовательно, уровень вируса выше. Кровь тюрэ – перворожденных (это все последующие поколения после основателя дома) немного слабее.

Так я провела в своих покоях трое суток, перечитывая старинные фолианты и умирая со скуки. Рионн приказала мне восстанавливать свои силы и запретила выходить к детям. Так я пропустила коронацию Андрея, не увидев в последний раз его голубые глаза. К тому моменту, как я возьму обращённого гемму на руки, его радужка станет золотой.

Утром на четвертый день, как ни в чём ни бывало, я спустилась к своим воспитанникам вниз. С трудом перебинтовав заживающие раны, я облачилась в свою старую рясу. Это было единственное мое одеяние, позволяющее полностью скрыть и горло, и повязки.

Но, по ходу дела, вся конспирация с треском провалилась в первые же минуты.

Весь дом уже знал о произошедшем.

Наивная я.

Думала, что это останется между нами тремя.

– Вот если бы мы были там, то от тебя точно ни-че-го не осталось. – Заверяют меня Анна с Веннэ. Мы сидим во дворе, у фонтана. Дети бегают по саду, Кайн до сих пор сидит взаперти у себя в покоях, а эти две девицы капают мне на мозг.

– Да, если бы нам представился такой шанс...

Не в силах больше выслушивать девичьи мечтания, я обливаю их холодной водой из фонтана. Мокрые близнецы еле сдерживали себя, чтобы не вцепиться мне в горло. Я подхожу к ним вплотную, скаля зубы:

– Ну, так и быть, нападайте вдвоем. Я даю вам полное разрешение на применение силы. Вы можете спокойно убить меня! Только потом все кусочки соберите и кремируйте, хорошо?

Принимаю боевую стойку. Левую руку дальше, правую чуть ниже и перед собой. Ноги на ширине плеч. Сёстры смотрят на меня, еле сдерживая слёзы.

– Ну, что медлим? Начинайте..

Анна и Веннэ испуганно шипят на меня, не в силах понять мою ярость. Для них я из непробиваемой гувернантки за считанные секунды стала берсерком. Зрачки расширились, верхняя губа нервно дёргается и по-звериному приоткрывает клыки. Я протяжно вдыхаю воздух, в предвкушении удара.

– Извините нас, – шепчет более спокойная Анна и, взяв сестру за руку, уходит с ней в шифф. – Мы не думали, что вас это так обидит.

– В следующий раз следите за своими слова. Рано или поздно вам придется за них отвечать. К вечеру прочесть «Введение в историю Семейства шерн Альяринн» и написать сочинение в тридцать листов на тему «Как я вижу свое будущее в клановой системе гемм».

– Хорошо, – поклонилась Анна. Веннэ продолжала молча сверлить меня взглядом.

– В стихах. – Добавила я, глядя на нее. Веннэ еле заметно дернулась. – Использовать только вольный разностопный ямб.

Анна зашипела на сестру и та поклонилась.

– Мне необходимо, чтобы вы поняли. Любые ваши слова должны подчеркиваться поступками. Только тогда вы сможете обрести внутренний покой. Если вы решили, что я вам не подхожу – устройте мне испытание, как я вам сейчас. Так как вы – геммы, у вас без труда получится выполнить мое задание. Госпожа Рионн будет оценивать их.

Девочки ушли к себе, переругиваясь шепотом. Ещё немного, и я на самом деле надала бы им сама подзатыльников. Когда дело доходит до ближнего боя, мышцы и рефлексы живут своей жизнью.

Поодаль, наблюдая за нами, перешёптываются няни Ангуин и Ариан. Перемыывают мне кости, как обычно. Опять я не так влияю на юных гемм. Не то, что Рао. По сравнению с Тем, кто ушел, я слишком импульсивна. А вот няни – совершенно другое. Их с детства определяют в кормилицы, после усиленных тестов их обучают многому, как и нас в Монастыре. Можно сказать, по знаниям это были бы наши прямые конкуренты, если бы не их принадлежность к геммам. Их кровь действительно уникальна, она подходит каждому обращенному и помогает пережить изменения. У них отличительные одежды, расшитые ритуальными символами. Для них выковывают специальные браслеты, которые год от года украшают новыми драгоценными камнями. Чем богаче россыпь минералов на металле, тем выше ценность кормилицы для семейства. Ведь каждый означает вскормленного нового гемму.

У Ариан браслеты заполнены наполовину. Насколько мне известно, она старшая няня по традиции в доме шерн Альяринн и воспитывала когда-то саму Рионн. А вот у Ангуин это первое дитя, и её золотые узорчатые оковы пусты.

Малыш Андрей слабо растянулся на кресле и даже не агукает мне, как раньше, до коронации. Такой бледный и печальный... Вирус только начал перекраивать его клетки, и в любой момент он может забиться в конвульсиях.

У меня болезненно сжимается всё внутри. Но я знаю, что у Ангуин отменная кровь и ему будет легко перенести процесс становления. На семь лет она его няня.

– Ты не поможешь ему, люти? – пищит кто-то у ног, и я вздрагиваю от неожиданности. Это Ума с букетиком цветов прибежала из сада, и теперь прижимается, игнорируя просьбы Ариан отойти от меня.

Вздыхаю огорчённо:

– Не могу, малышка. Он еще слишком слаб и может не пережить это.

– Но ему очень плохо! Ты же помогла мне, теперь нет больше этой ужасной боли, и Ариан меньше кормит, только когда мне не хватает сил для изменения! – золотые её глаза наполнены слезами, Ума не слышит ничего другого. Вернее, не хочет слышать. – Если мы расскажем им, то они поверят! И Андрей не будет так мучиться.

Ей жаль брата, ведь она знает, как это всё болезненно – день ото дня становиться геммой, теряя всё человеческое. Я нагибаюсь к ней и начинаю гладить по чёрным, как смоль, волосам:

– Милая, это наш секрет. Помнишь? Им пока не следует знать о моём знании. Я сама не уверена, что это поможет другим.

Ума кивает головой, как я научила её делать недавно, и... истошно начинает рыдать. Её няня подбегает к нам и, забирая девочку из моих объятий, начинает успокаивать её:

– Ну же, Ума! Не плачь! А ты! – это она уже мне. – Ты слишком жестока, чтобы быть Столпом! От тебя одни беды сегодня. Лучше бы тебя Кайн...

Она умолкает, понимая, что проявила излишнюю эмоциональность. Я понимаю Ариан – все мои действия идут против ее убеждений, против ее призвания быть няней. Я – слишком странный ширрах. Может быть, она где-то внутри ненавидит меня.

Усмехаюсь, опуская руки в прохладную воду фонтана. Что мне эта ненависть, Ариан? Меня ненавидели сильнее и не раз. Я настолько привыкла, что могу реагировать на это только иронией.

– Извините меня, я перешла границы дозволенного, – через некоторое время, умиряя свой гнев, кланяется мне няня Умы. Второй раз за утро слышу от геммы эти слова.

Странное утро.

– Геммы никогда не вмешиваются в жизнь людей, ни прямо, ни косвенно. Единственно, Старейшинам и главам Вы не можете общаться с людьми за пределами – вас для них не существует. Вам запрещено без разрешения покидать Шим'Таа. Вы находитесь на собственном материке, на огромном расстоянии от Великой Империи. Вы подчиняетесь Совету, исполняете заветы Святейшей и молитесь только ей.

У нас урок Высших Действ. Присутствуют все, за исключением Андрея и Кайна.

Первый слишком мал, а со вторым всё сложнее.

На время урока мы почти друзья. Все распри за стенами покоев Становления. Здесь моё царство.

– А кому молятся люди? – вопрошает Тор, делая пометки у себя в криате. Это небольшое устройство позволяет записывать все данные стеклянным стилусом в капле крови. И всё остается в твоей памяти. Навсегда.

Остальные записывают мою речь тем же образом. Уме и Тамаре в этом помогают кормилицы. Они проводят информацию сначала через себя, облегчая понимание. Вот в этом и заключается главная сложность – важно подбирать на геммы слова так, чтобы через лет двадцать не было стыдно за сказанное. Много я взяла из записей Рао, ведь даже интонация и паузы между словами были нормированы.

Но, как ни было трудно, со своей обязанностью я справляюсь. Или мне так кажется.

– Я прочёл в нашем архиве много книг о верованиях людей, но их настолько много, что голова разболелась, – продолжил Тор.

Остальные смеются. Я же выдерживаю паузу и отвечаю:

– Люди за всю свою историю существования молились разным богам. Когда умирала память об одних, люди создавали себе новых. Когда-то Великая Империя была соткана из множества различных по форме правления государств, в каждом из которых молились собственным богам.

– Подождите, вы применили правильное слово? Их что, создавали? – непонимающе Анна смотрит на меня. – Разве человеческие боги были созданы кем-то? Ведь мы потому и молимся Святейшей, зная, что она где-то жива среди нас.

– Святейшая не богиня. И Святейшей называете ее только вы, на просторах Империи ее называют Матерью Ублюдков и Тварью Исхода. В памяти людей хранятся воспоминания

о той, кто вас создал. Ведь и она когда-то была человеком, была смертной. Как возможно, и некоторые человеческие божества до нее – память несовершенна.

– Расскажите нам про неё, пожалуйста! – разводит пухлыми ручками Тамара, моя темнокожая маленькая гемма. Я, видя интерес остальных, продолжаю. Кто-то услышит сегодня эту историю впервые. Поэтому я тяжело вздохнула и решила действовать не по протоколу.

Святейшая когда-то была человеком. Всё, о чём рассказывают древние книги – это то, что она работала в психиатрической лечебнице и отстаивала права душевнобольных. Это были смутные времена, потому как это было время Создания Псиберспейса. То, что вы знаете под названием общего информационного внутреннего поля. Чтобы его создать, нужны были душевнобольные. Деперсонализация, дереализация – подобные отклонения помогали не разрушить личность и тестировать на таких больных виртуальную реальность долгое время. Здоровый человек, попадая в Псиберспейс впервые, мог погибнуть. Или покончить жизнь самоубийством.

Поэтому, когда пациентов Святейшей увозили в неизвестном направлении, то они больше не возвращались. Если вы откроете архивы, вы узнаете, что на них проводились не только опыты по созданию Псиберспейса, на них тестировали новые лекарства или наоборот, созданные штаммы вирусов.

Святейшая подозревала об этом и старалась предотвратить подобное, потому как выше всего ценила человеческую жизнь и свободу. И когда её действия начали серьезно мешать, решено было похитить её и заставить замолчать. Навсегда.

– Её похитили такие же люди? Но ведь наверняка у неё была семья?! – воскликнул Тор, – я читал дедушкины записи.

– Да, у неё была семья. Муж и две дочери. Но мужа лишили жены, а детей – матери. Для всего мира Святейшая тогда умерла.

– Но её же не убили... Она ведь как-то спаслась? – пропищала в слезах Ума. В первый раз слушая историю своей прама матери, трудно не расплакаться. В протоколе указано лишь сообщать некоторую информацию. Подразумевалось, что полностью геммы должны узнавать в одиночестве, к тридцати годам. Даже у некоторых нянь удивление на лице, как им быть в подобной ситуации – записать мои слова или воспроизвести свой протокол.

– Вы должны записывать именно мои. – Я продолжила. – Ума, все, что я сейчас рассказываю – именно для того, чтобы ты знала, насколько могут быть жестоки люди. И насколько жестокость в мире гемм неприемлема, даже если брать во внимание вашу импульсивность во время становления. Её привезли в подобное закрытое учреждение, где отвели роль подопытного животного. Каждый день её кололи лекарствами и издевались. День сменялся новым днём, но никто не приходил на помощь. Все свыклись с её исчезновением. Тем более, что вскоре был найден обезображенный труп, в котором опознали пропавшую активистку.

Труп похоронили под её именем, но жизнь для неё не изменилась. День за днем она пыталась чего-то добиться, сбежать из лап врачей и сумасшедших учёных. Но она была слишком слаба. В её крови бушевал новый вирус, и все ждали результатов... Умрёт или выживет.

И тогда произошло неожиданное. Каким-то образом она создала связь через кровь с другими людьми. Стала свободно перемещаться по сознанию каждого, читая и управляя им. Вирус исказил её, преобразил в новое существо. Свёл с ума и одновременно подарил целостность.

И тогда она начала убивать.

Так я прочла и так мне рассказывали в монастыре.

Это истина.

Марко нахмурился и пробормотал исподлобья:

– Святейшая запретила нам убивать перед страхом смерти. Она не могла...

Мне пришлось умерить пыл и объяснить поведение их прама матери:

– Тот мир был не такой, как сейчас. Не такой мирный и безоблачный, как тот, в котором вы живёте. В нём постоянно велись войны, свершались перевороты, и человеческая жизнь не ценилась. Сейчас вы видите, что всё это делалось ради захвата власти во всём мире. И ради становления Великой Империи.

Когда Святейшая обрела свой дар, она в гневе наказала всех, кто причинили ей боль. Она попросту заключила их сознание внутри тела так, чтобы они вечно жили и вечно страдали. Ощущали только её пережитую панику и агонию. Такие люди прожили долгую жизнь, мечтая о смерти. Каждую минуту они молились ей и просили простить.

– И?! – мой класс в ожидании замер.

– Она не умела прощать. В книге, которую написал ваш аорэ, истиннорожденный, Святослав шерн Альяринн, рассказывается о том времени, как Святейшая вернулась в свой город в самый разгар войны. Её муж и дети пропали, и даже через кровь она не могла найти их. Никто не помнил её имени, да и она забыла к тому времени, как её зовут.

Война. Я всегда представляла, как Святейшая шла по залитой кровью улице, среди умирающих и умерших. Каждого благословляя, и плача по каждому. Вокруг свистели пули, разрывались орудия...

Брат убивал брата. Во имя лживой свободы.

– А у мамы есть её портрет. – Марко задумчиво произнёс вслух, сбив меня с мысли.

– Портрет? – удивилась я. – Но в мире не осталось ни одного изображения. Так мне объяснили безликость всех статуй в монастыре.

– Наш аорэ написал его. Ведь он был её другом. Так говорит мама. – Гордо заявила Анна, сверкая золотыми глазами.

Я замешкалась. В горле пересохло от волнения.

– А вы... вы видели его?

Дети дружно коснулись каждый своей левой брови указательным пальцем. Жест гемм, означающий «да, клянемся своей прародительницей».

Видели.

– И... какая она? – кожа моя покрылась испариной. Я жаждала услышать.

Дети застрекотали наперебой.

– Тихо! По одному!

– Нуу, – затянула Анна. Право слова оставалось за ней, как старшей в комнате. – Там её толком и не видно. Очертания мутные... Лица почти не видно, но говорят, у неё были полностью чёрные белки, без радужки. А всё на картине закрыто крыльями. У неё были крылья, такие ажурные...

– И всё? – капризно сжалась я. Ничего нового. Это описание я слышала тысячу раз. Худая, полностью угольно-черная.

Марко, словно Чеширский Кот, улыбнулся во весь клыкасто-розоватый рот. Мол, слушай, юная Алиса.

– Не-ее-ет, – глаза его горят, словно сейчас он выдаст такое, что всех удивит. – Она была похожа на человека. Она была бледная! Аорэ говорил, что такой Праматерь была, когда запирала вирус внутри себя. Только когда она ушла от нас, то никто не мог вспомнить, как она выглядела...

Маленькая худая женщина, нечаянно выбранная судьбой на столь страшную и одинокую роль. А крылья? Наверное, это было так...

...тонкие ручейки крови стекают из ран убитых людей на грязный асфальт и тянутся ниточками к ней. Парят в воздухе единым потоком, а потом обвивают узорчатой сетью её хрупкое тельце и врастают в кожу.

...Руда, руда алая.

И она идёт дальше, не видя ничего перед собой. Боль испепелила её душу, боль потерь и ненависть.

Ядовитый коктейль.

Крылья её становятся большие, нарастают мощью и уходящим теплом из тел, нависают над ней и защищают от пуль. Видя её, люди разбегаются в ужасе, чувствуя, как что-то чужое и злое проникает в их души. И они слепо падают на землю, царапают жадно кожу, до глубоких царапин распахивая грудь, пытаясь выскрести то, что забралось в них.

А она кричит, распахивая ажурные багряные крылья.

И крик её беззвучен.

Он уходит в кровь, в её память, вечную и нетленную. Он становится всем для живущих. Каждый чувствует её агонию и плачет вместе с ней.

А крик идёт дальше и, видя зло, неисправимое и неискоренимое, приказывает умереть.

В тот день не было больше слышно стрельбы и паники. В тот день повсюду горели погребальные огни...

А потом она избрала себе спутников и сделала их глаза золотыми.

Навсегда.

Усмехаюсь. Может быть, всё было и не так. Свидетели тех времен давно мертвы. У гемм другая история, а у меня лишь хорошая фантазия и обрывки чужих воспоминаний, я всего лишь пересказываю Истории начала Времен.

Урок подходит к концу. Все расходятся, в какой-то мере под впечатлением рассказа, и лишь Ума теревит меня за рукав рясы.

– Люти, простишь меня, что я так сильно плакала? – С серьезным лицом говорит она мне.

Киваю в ответ. Хорошо. Геммы, кстати, утвердительно не кивают совершенно.

– А Кайн сделал тебе очень больно?

Наклоняюсь к малышке, улыбаясь как можно добрее:

– Ничего страшного, не волнуйся. Хорошо?

Девочка кивает (это она переняла мою человеческую привычку), её рот расплывается в улыбке, но через секунду она снова печальна:

– А если это сделаю я? Нечаянно... Ты же знаешь, хотя приступы и проходят, я всё равно до конца не могу сдерживать себя. Иногда падаю. И Ариан кормит меня, но редко. Почему?

– Тебе ещё нужна кровь и свежее мясо. Именно они дают геммам больше сил для изменения.

– Мы пока молчим про твой секрет, да?

– Тссс, – накрываю рот ладонью. – Никто не должен знать о нём, Ума. Пойдём обедать?

Взяв тёплую ладошку малышки в свою, я вдруг почувствовала её необыкновенное, родное тепло.

И я сжала её сильнее, боясь потерять.

Вечером, когда дети уходили в шифф, в мою дверь коротко постучали. Когда я открыла, никого уже за ней не было, а на полу лежали две исписанные тетради.

– Могут ведь, – сказала я, пролистав.

Прошло ещё дня три. В целом, я не замечаю, сколько времени я провела среди них. Я вообще не воспринимаю время. Переняла эту привычку от гемм.

– Дети меняются, хоть вы это и не замечаете, – заявил как-то вечером Стефан. Мы сидели на кухне, и он готовил мясо со специями.

Для меня.

Я облизнулась, глядя хищными глазами на мой ужин.

– Не принимайте на свой счет. Мне просто интересно готовить человеческую пищу. Она более разнообразна. – Пояснил своё желание повар, мелодично отбивая пласт мяса керамическим молотом.

– Святейшая, видимо, была плохим поваром, потому и оставила вам так мало рецептов, – съязвила я и тут же извинилась жестом, видя недобрый огонёк в золотых глазах геммы.

Минуты три мы молчали и смотрели, как шипит мясо на энергоплите, исходит ароматным соком. Затем Стефан касается моей руки, привлекая внимание. Это тоже жест гемм, направляющий вас на серьёзный разговор.

– Мои родители просто продали меня в семь лет, на органы. Им не хватало на свадьбу моей сестры, они хотели повысить ее статус, а вместе с ним и свой. Я пережил это. Я был достаточно взрослым, чтобы понять всю жертвенность. Я смирился с этим. Когда меня признали негодным на донорство, я не знал, плакать мне или радоваться. Меня перевели в низшие слои, вы должны сами знать, что меня могло ожидать в Общинах. Рионн рассказала мне о вашей жизни в них. – Стефан поморщил нос, не в силах выдержать запах горелого мяса, и включил вентиляцию на полную мощность. – Но моему владельцу нужно было заплатить налоги, и ему предложили отдать меня. Потому что пришли геммы и им нужны были дети... Нам рассказывали три дня всякие ужасы, что никто не возвращался, что таких детей ждут кошмары похуже донорства и продаж. А потом нас выстроили в ряд и... И когда льорт, мой будущий отец, Святослав коснулся меня, я укусил его сильно. От страха, как животное... Его кровь проникла в меня тогда.

– Стефан... – я смотрела на него огромными глазами, ярко представляя картину.

– Но льорт Святослав уже сделал выбор до укуса. Потом он пояснил, что геммы наблюдают за детьми прежде, чем выбрать. Что они ищут тех, чье сознание еще можно спасти, потому что они умеют врачевать все, кроме души. А тогда он сказал шёпотом: «Ты замечательный мальчик, умный и сильный. Не бойся» Он сказал это с улыбкой. Но тогда я не понял, испугался ещё больше, я хотел убежать прочь от этих непонятных золотоглазых существ, в которых превратился сам со временем, – Стефан перевернул мясо и посмотрел мне прямо в глаза. – Мы многого не понимаем в человеческом обличье.

– Извини, Стефан... Я не хотела, – начала, было, я, но повар уже вновь коснулся моей руки.

– Мы принимаем шутки и сами можем пошутить на тему праматери. Святейшая, может, и была плохим поваром, но человеком она была замечательным. Так рассказывал льорт... Дальше мясо жарьте сами, мне уже дурно от этого запаха.

Я отошла к энергоплите и поставила её на режим запекания. Я не люблю плохо прожаренное мясо.

– Ульрианна, – Стефан отошел подальше и спросил. – Ты же знаешь о том... что нам больше не дадут детей?

– Госпожа Рионн сказала лишь, что люди больше не верят в Святейшую. Страх иссяк.

Старый гемма взъерошил седые волосы и устало облокотился на стол:

– И мы ничего не сможем сделать. Праматерь запретила нам вмешиваться в решения Империи. Рионн даже не приняли, не объяснили причин, но и так все понятно. Стоит ли

бояться ту, о которой не слышно уже лет триста, после Афэриканшу. Даже своему народу она не является больше, считая себя нечистой... Измаранной в чужих смертях. Так что мы связаны обетом.

Афэриканшу.

Африканская резня.

Это было ужасное и в то же время величественное зрелище, видела я эти файлы на грейфах в монастыре. Тысячи людей по воле Святейшей кремировали себя, от мала до велика. Это был последний раз, когда она пользовалась своим могуществом и окутывала человеческие души, желая истребить зло. Несмотря на договор с Императором, она была не в силах вынести человеческую двуличность.

– Мы будем молиться, – произнёс полушёпотом Стефан, передав мне ужин.

«Надеюсь, она не оставит их без ответа,» – подумала я.

Танец третий

Кайн вышел под утро. Когда шифф исчез, он посчитал, что время простить себя пришло. Изнеможенный, бледный от голода юноша пробрался на кухню и, достав из ледника кусок свежего мяса, впился в него зубами.

– А молитва?

Он вздрогнул от неожиданности, но мясо не выпустил.

– Ну-ну, наследник! И надо было так терзать себя?

– Прости, мама.

Рионн подошла ближе и погладила своего несуразного первенца, жадно разрывающего вырезку.

– Ничего, малыш. Впредь будет уроком.

Минуты две Кайн наслаждался едой, затем прижался к матери, пачкая её бирюзовые одеяния.

– Я устал, мама. Это становление выматывает меня. Каждую ночь этот голод. А мы... словно дикие звери, рычим и воем за занавесой.

Рионн вздохнула:

– Я понимаю, это тяжело. Но только через три года всё пройдет для тебя окончательно... Потерпи, Кайн.

– Хорошо, мама. Я буду стараться.

– Вытери рот, милый. Ты и меня испачкал. – Рионн протянула сыну розовую салфетку, и теперь наблюдала небрежное умывание. Себе она тоже достала одну. – Послушай, ты выяснил тогда у Ульрианнаш что-либо про Уму?

Кайн нервно зажал мизинцем и большим пальцем мочку левого уха. На языке жестов гемм это означало твердое «нет» – хьорте.

– И Ума «молчит как партизан». Кто такие партизаны, лучше не спрашивай – это ширрах так говорит, я не поняла. Лесные люди какие-то. Я уже было собиралась их обеих наказать. – Рионн поджала кроваво-красные губы и присела на скамью рядом. – Но думаю, не стоит этого делать. Приступы проходят без дарения крови – это необычно, но не опасно. По крайней мере, я не вижу никаких отклонений в младшей дочери.

– Моя льринни, – громко произнес Кайн, сытый и довольный, решив завести официальный разговор с матерью, по всем правилам этикета. Будущему льорту достаточно на сегодня материнской нежности, уроки управления куда важнее. – А Ульрианнаш что-то говорила вам до этого о своих способностях?

– Нет, но монахини и Рао предупредили меня, что Ульрианнаш – странная. В её глубине больше, чем на поверхности. Ты же знаешь, что она десять лет провела среди них, но совершенно не открылась полностью. Никому, даже Рао, – задумчиво произнесла Рионн, перебирая скомканную салфетку. – Он говорил, вряд ли мать продала ее, хотя евриениумом она точно рождена, у нее нестабильные гены. Возможно, она была преступницей и бежала. Рао заказал в Империи и нашел только признание бывшего ментора, что его друг и она были супругами и «скользящими в Сети». Она изучала древние языки, на которых больше никто не говорит. Даже те, которые мы не смогли полностью выкупить в свой архив.

– После геммы и гарами трудно что-то удержать в своей памяти. Такое ощущение, что вирус уничтожает знание любого другого языка как чужеродное... Но после всего, что вы рассказали, вы хотите, чтобы она оставалась и учила нас? – Кайн попытался отобрать у матери салфетку, словно зачарованный шуршанием фантика котёнок.

– Своей играйся, – зло прошипела Рионн на сына, резко перейдя на неофициальную речь. Тот съёжился и одернул руку от неожиданности.

– Преступления против Империи мне не важны, если это не преступления против жизни – а их она не совершала. – Продолжила уже официально Рионн. – За свое она поплатилась и сполна. Ее мужа убили. Не важно, почему она здесь – важно, зачем? Она имеет полное право на свои секреты. Но ее возможности пригодятся нам в будущем.

– Вы доверяете ей как льринни? – поморщился наследник.

Рионн молча коснулась левой брови указательным пальцем.

«Миоррэ» – да.

Развернувшись, она направилась к выходу. Бирюзово – небесный пятиметровый шлейф тянулся за ней, словно поток воды. На пару секунд она замерла в проеме и прошептала:

– Через три дня начнётся Эвалон. Рао сам выбрал именно ее, и теперь она должна подтвердить свое предназначение. После него я решу.

Кайн лишь продолжил сосредоточенно играть салфеткой, прижавшись спиной к леднику. В золотых глазах его ничего не отражалось. Даже некоторое подобие страха, что замерло в его душе.

Через три дня начнётся Праздник Золота Святейшей. Но в доме Альяринн все увлечённо заняты не подготовкой, а своими делами.

Праздники здесь проходят не как у людей, это естественно. За время, проведенное в монастыре, я думаю, что научилась понимать психологию гемм хоть немного. Хотя даже при знании гемми это сложно.

Отсутствие подготовки не означало ее ненужность. Просто дом поддерживался всегда в таком состоянии, что если к ним нагрянули бы без приглашения все сорок старейшин и компании перворожденных в сотни три, сказав, что Эвалон переносится и будет проведен прямо сейчас, его без промедления в секунду начали праздновать.

Это образ жизни гемм. Чего я никогда не наблюдала у людей. Что я видела в Империи? Лишь жалкие потуги прошлого... только в достаточно отдаленных местах, в разрушенном древнем городе Рондон, наполовину залитый водой, да в глухих сайберийских таёжных лесах тайно справляли несколько забытых праздников, переиначив их смысл и традиции. Крупницы прошлого иногда бережно хранились.

А в великой столице, возведенной в песках бывшей пустыни, праздник был всегда. Сибаритский, умасленный дарами и деликатесами, приправленный обнажёнными телами девушек и юношей, выращенных по стандартам и желанию господ.

Зажрались.

Я встrepенулась, отбросила воспоминания, словно ветхие одежды, и продолжила листать каталог. Рионн приказала выбрать одежду на Эвалон, и привести себя в порядок. Если старейшины увидят меня в нынешнем виде, то я навсегда упаду в их глазах.

Этикет нужно соблюдать.

– Здравствуй. – Пронеслось шипящее около уха, и я от неожиданности выронила голографические листы. Ворох пятиметровых шлейфов разлился радугой в воздухе.

Обернулась, но... рядом никого не было.

Бред.

Я нагнулась, чтобы поднять листы, но не смогла. В зеркале напротив я заметила притаившееся черное нечто. Неоформившееся поле эмоций.

– Ты? Как давно я не слышала твой голос...

– Да, ведь ты захотела спокойной жизни.

– Что ж, тогда начнём? – в пустоту произнесла я со слезами и осторожно, глядя лишь в зеркало, попятилась к пятну. Осторожно закуталась в чёрные всплески эмоций, словно в мантию. И...

...проснулась.

В холодном липком поту. Яростно встала с постели, пытаюсь забыть сон. Скользнула в истерику в душ и распостёрлась на тёплых плитах под струями ароматной воды.

Кошмар возвращается. Это было постоянным его началом. Раз от раза, когда я думала, что всё закончилось, он приходил вновь.

А ведь он не снился мне с тех пор, как я покинула на танкере Великую Империю. Каждую ночь, проведенную в Империи, он терзал меня, заложенный в мои мутированные гены. Это было неизбежной частью моего бытия, генетическая память и эхо воспоминаний. От этого не убежать.

Никогда.

Потому что убежать от собственного прошлого невозможно.

Свернувшись в комок, я зарыдала. Размазывая ароматные фиолетовые струи воды по лицу, я надрывно выла, словно раненный зверь.

Дети ждали меня в шиффе. Настороженно посмотрели в мою сторону и окружили пёстрой толпой. Это было неожиданным, но объяснимым. Сегодняшний урок особенный. Сегодняшний урок об Эвалоне, первый для малышей.

Веннэ, Анна и Кайн уже присутствовали на нем и даже видели танцы на расстоянии вытянутой руки. По крайней мере, они так рассказывают. Более младшим не давали разрешения, пока большая часть их клеток не будет вытеснена вирусом.

Поэтому узнать о празднике хотелось всем, даже старшим. Няни же, словно от скуки, обмахивались веерами.

– Неужели Рао вам не рассказывал? – удивилась я и сморщила носик.

– Тот, кто ушел, сказал бы, что и вы не должны рассказывать, а быть занятыми в выборе наряда. – Фыркнула Анна, глядя на меня с презрением. – Лучше один раз увидеть. Но вас точно мама не пустит.

– Ах, да. Я же страшное тощее пугало. Я забыла, простите, ваше величество... – прикрывая клыкастый ротик, улыбнулась я.

– Ульрианнаш не страшная! – Вступились за меня Ума с Тамарой, пихая старшую сестру. Не думаю, что малышками владели благородные чувства. Просто на их первый Эвалон старейшины допустят еще не скоро, поэтому любопытство взяло вверх.

Я вздохнула, подошла и прижала к себе малышей.

– А где Андрей? – спросила я у Кайна, вплетая в канву слов всю вежливость, на какую была способна. Наследник, укутанный с носом в золотые одеяния с драконами, махнул рукой в сторону Марко.

– Он не может. Ему плохо... Очень. – Рыжеволосый мальчуган исполнил повеление брата. Ответил за него.

Что ж... начнём обучение. А воспитанием я займусь позже.

Лично.

– Эвалону, празднику Восьми Золотых Узоров, сравнительно мало лет, это самый молодой праздник из всех. Но не менее важный, а даже наоборот. Двести тридцать лет геммы проводят его торжественно и в течение двух дней. Время проведения сообщается за неделю, что несвойственно другим. У Эвалона нет постоянной даты.

– А почему? – пискнула Тамара. Её золотые глаза в контрасте с угольной кожей заворожили меня. Мгновение я стояла, разинув рот.

– Ну... – в ожидании протянули юные геммы. Я неохотно прекратила любоваться Тамарой и продолжила:

– Дело в том, что ваш аорэ, льорт Святослав, нашёл одну удивительную вещь, принадлежавшую когда-то Святейшей. Она хранилась в тайнике, о существовании которого никто не знал, пока не стали сносить стену, перестраивая Дом старейшин.

Молчание. Мои юные мутирующие друзья заворожено смотрят на меня. Кайн просто выжидает, что я скажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.